

ОТКРОВЕНИЯ

Владимир Нелюбин: Многие пришли в банк к Владимиру Санычу...

Акционер Экопромбанка — о своём «детище» и его перспективах

Юлия Усольцева

— Владимир Александрович, когда и почему у Экопромбанка начались проблемы с ликвидностью?

— Не могу точно сказать, когда всё началось, потому что меня в совет директоров выбрали только 30 мая. Я два года в большей степени занимался развитием ЗАО «Юкон Групп». Поэтому сейчас приходится во всём вникать с трудностями. О некоторых проблемах я услышал в июне. Буду прикладывать максимум усилий, чтобы выровнять ситуацию.

Если говорить о причинах, то все банки сегодня имеют определённые трудности в связи с санкциями, массовым отзывом лицензий, свистопляской с долларом и тем, что люди стали забирать вклады. Паника случилась не только из-за того, что тот или иной банк плохой, а потому что ситуация в обществе нестабильна в целом. Мы в большей степени кредитовали малый и средний бизнес. Например, свою роль сыграл закон о курении. У наших клиентов упали продажи, соответственно выплачивать кредиты им становится сложнее.

Может быть, в последние годы банком была выбрана неверная стратегия, как я сейчас понимаю. Я считаю, потребительское кредитование физических лиц надо было начинать 10 лет назад, а мы запрыгнули в уходящий поезд. Возможно, потребительские кредиты сегодня являются высокодоходными, но и риски высокие.

Есть одно маленькое упущение — с людьми стали говорить поздно. Не понимая, что происходит, вкладчики начали забирать деньги. Надо было объяснить: не переживайте, вы застрахованы. Этим стали заниматься только в последнюю неделю. Сейчас мы говорим: если взяли обязательства, сказали — сегодня столько получите, мы должны умереть, но столько выдать. Пусть немного, но это же жизнь.

У нас 1,3 млрд руб. резервов. Деньги, которые, по сути, не работают, лежат как страховочный барьер на всякий пожарный случай. В этой конструкции вклады до 700 тыс. руб. застрахованы государством. Тех активов, которые сегодня есть в банке, хватит, чтобы перекрыть все остатки по счетам, которые есть. В этой ситуации убытки в большей степени понесут собственники, которые вложили туда деньги. Они в очереди будут стоять последними.

Если случится так, что у банка отзовут лицензию, то от этого никто не выиграет. Большой бизнес это понимает. Ведь если отзовут лицензию, то всё равно всех поставят в очередь по выплатам, и нужно будет ждать. Так, сообща,

мы можем похоронить один из крупнейших банков. В Пермском крае и так пять банков всего осталось. На фоне других субъектов мы самые неразвитые в банковском секторе. А за этим ведь начнут валиться другие пермские банки, и может быть так, что потом вообще ничего не останется. Потому что это будет паника. Люди будут выводить свои средства из наших банков, перекладывая в крупные. За счёт этого создадут ажиотаж. В моём понимании этого делать нельзя. Есть трудности, но их можно решить сообща, когда мы друг друга услышим. Ведь никто деньги за границу не вывел, никто их по карманам не рассовал.

— То есть я правильно понимаю, что сначала у банка возникли проблемы, которые спровоцировали, как говорилось в официальном сообщении банка, информационную атаку, а не наоборот?

— Я думаю, где-то посередине.

— На какую сумму у вас в общей сложности вкладов забрали?

— Порядка 700–800 млн руб.

— Сколько необходимо, чтобы поддержать ликвидность?

— Чтобы выровнять баланс, поддержать ликвидность, нужно 270–500 млн руб. Чтобы выполнить все обязательства — 270 млн руб. Чтобы создать ещё резерв — 500 млн руб.

— А вклады забирали физические или юридические лица?

— В основном «физики». Юридические лица понимают конструкцию.

— Как на сегодняшний день построена работа в банке?

— Мы выдаём по 20 и 50 тыс. руб. Долги, которые были по налоговым платежам, расчистили, чтобы людям не создавать дополнительного дискомфорта. Они его уже получили.

— По выдаче вкладов вы ведёте запись на сентябрь?

— Да, но мы исходим из реальности. Если завтра мы привлекаем ту сумму, которую я назвал — 500 млн руб., то, конечно, эти сроки сдвинутся. Мы вышли на позицию продажи кредитного портфеля. Но эта процедура тоже требует времени.

— На какой стадии переговоров вы сейчас находитесь?

— Мы проводим переговоры каждый день. Но надо понимать, что многие банки на сегодняшний день занимаются только тем, что покупают кредитный портфель. Им не надо создавать юридическую службу, службу мониторинга — ты пришёл, просто купил обязательства и сидишь, а тебе проценты капают, ты застрахован. В этой ситуации стараются сыграть на понижение. Мы тоже не хотим в этой конструкции падать донизу. У нас тогда не хватит ресурс-

сов хоть какую-то часть как акционерам получить. То, что людям всем хватит, мы не переживаем. У нас есть имущество, но ведь его тоже за один день не продашь.

— Что касается продажи ваших активов — это крайний случай, если не получится реализовать кредитный портфель?

— Кредитный портфель — раз. Имущество, которое по решению судов перешло банку, — два.

Мы сегодня имеем картонный завод, который в своё время финансировался. Так как человек, который брал у нас деньги, не рассчитал свои силы, нам пришлося его забрать, и он тоже стоит больших денег. После кризиса у банка получилось много непрофильных активов, которые надо реализовать. Некоторые активы мы готовы продать с дисконтом, чтобы восстановить ликвидность. У нас много земли, офисов...

Ведь банк не может выдать кредит без обеспечения. Но до 2008 года это обеспечение стоило столько-то, а сегодня стоит в два-три раза дешевле. Не из-за того, что оценщики плохо сработали, тогда была такая конъюнктура рынка.

— Как складывается ситуация с проектом «Город в городе»?

— В 2006 году мы дали им 640 млн руб. на покупку земли. Они стали делать проект. Сначала своими силами. Когда силы закончились, банк начал помогать в проектировании, сделали фундаменты. Сказать, что они оттуда деньги унесли — нет. И вроде бы была хорошая идея, но есть внешние факторы, кризис...

— Какую сумму они вам должны?

— 1,6 или 1,8 млрд руб. Но это всё сегодня в залоге банка. У них есть проект, а у нас — вся земля. Мы её тоже можем реализовать.

— Вы заявляли, что готовы в случае необходимости продать свою долю в банке, а другие акционеры рассматривают такой вариант?

— Все обсуждают. В этой ситуации акционеры с большей долей должны заботиться о банке на порядок больше, чем я. Если у Петра Ивановича Кондрашова, как он говорит, через его офшорные компании 53%, то по идеи он должен «шевелиться» в разы больше, чем я. Для него поддержать ликвидность банка было на раз-два. Мы и договаривались в июне, что он это сделает, а я потом у него выкуплю долю и становлюсь контрольным держателем.

У нас такие разговоры были. Не напрямую, правда, а через людей, потому что я с ним два с лишним года не разговаривал. Он не живёт в России. Я шевелюсь, потому что банк — это моя детище. И я отсюда не собираюсь никуда уезжать. Я любому человеку в глаза смотрю. Зачем голову-то в песок прятать? Для Петра

Ивановича решение этого вопроса ничего не стоило.

— Он не приехал?

— Нет.

— Ну, хоть как-то он вообще отреагировал? Он же тоже рискует потерять деньги.

— Для меня это вообще загадка. Он потеряет больше всех! А я мог сказать, что я маленький акционер, мол, какая мне разница. Но для меня есть разница! Ведь всё равно банк все ассоциируют с Нелюбиным. У меня внучка родилась, но когда услышал, я всё бросил и приехал сюда, побыв с внуком полтора дня. Потому что банк — это часть моей жизни. Потому что многие пришли в банк к Владимиру Санычу, хотя я последние два года и не занимался банком.

У меня с 9 до 22 часов — формат общения. Я понимаю, что в большей степени это мне надо. Для того, чтобы в глаза смотреть любому. Там все деньги моих детей лежат, все мои компании в банке. Клубы, холдинги — всё здесь. Завтра люди придут и скажут: «Братик, ты нам сказал — мы здесь». И это дополнительная ответственность.

— В какие сроки вам необходимо привлечь средства?

— Время очень ограничено. Но мне Центробанк, к сожалению, не докладывает. Меня приглашают — я прихожу. Есть наш Центробанк, но над ним есть вышестоящая организация, которая принимает решения.

Я на встрече в Центробанке обещал, что принесу 230 млн руб. — я принес. Пётр Иванович по договорённости через людей должен был вложить 500 млн руб. Если бы он принес, тогда вообще бы этого кризиса не было. Ну ты не принесёшь, так ты скажи! Тогда бы мы с компаниями стали искать другие выходы. Потому что мы понимаем — ты расписался в беспилотии и сказал «мне это неинтересно». Если ты контрольный держатель и хочешь сохранить банк, тогда надели меня полномочиями. У меня же нет полномочий, я не могу распоряжаться его активом.

И у меня хоть какие-то дополнительные инструменты бы появились. Я бы сказал: «Ребят, хотите получить шикарный банк? Вот контрольный пакет, Кондрашов готов отдать за то и за то». Они бы ответили: «Готовы». Но я ведь не могу распоряжаться собственностью, которая мне не принадлежит.

Я никогда не думал, что Пётр Иванович может быть непоследовательным. Я его знаю 20 с лишним лет. Человек с таким именем!

Я, как спортсмен, не люблю проигрывать. Отзовут лицензию — я проиграл, в душе проиграл, хотя буду любому в глаза смотреть. Но я буду говорить: «Я сделал всё, что мог». Я буду чист перед самим собой и перед людьми. ■